

УДК 811.511.141'373.45:811.16 (09)
DOI <https://doi.org/10.32782/tps2663-4880/2020.13-3.4>

СЛАВЯНСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В ВЕНГЕРСКОМ ЯЗЫКЕ – ИСТОЧНИК ИССЛЕДОВАНИЯ ИСТОРИИ ПРАСЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

SLAVIC BORROWINGS IN HUNGARIAN – THE SOURCE OF RESEARCH ON HISTORY OF THE PRE-SLAVIC LANGUAGES

Лизанец П.Н.,

orcid.org/0000-0002-5663-7057

*доктор филологических наук, профессор,
заслуженный профессор,
заслуженный деятель науки и техники Украины,
профессор кафедры венгерской филологии
Ужгородского национального университета*

Статья посвящена прямым контактам венгерских племён со славянскими племенами начиная с VII ст., когда венгры обрели свою новую родину. Эти контакты начались в Леvedии и Этелкизи. Большое внимание уделено исследованию контактов между венгерскими племенами и восточными славянами, полянами (предками украинцев), в первую очередь, и украинцами (русинами) на территории Карпатского региона. Значительное количество славянских заимствований в венгерском языке и его диалектах является ценным источником для тщательного исследования истории праславянских языков. При рассмотрении языкового контактирования особый интерес представляет также выяснение характера лексических заимствований и их типов. С семантической точки зрения венгеризмы в украинских говорах Закарпатья и украинизмы в венгерских говорах Закарпатья можно рассматривать в трёх аспектах: а) по объёму их лексико-грамматического значения; б) по мотивации заимствования нового лексического значения и вытекающему из него характеру семантики; в) по соотношению семантики в заимствующем языке и в языке-передатчике. Следует также отметить, что при семантической субституции заимствованных слов могут изменять или модифицировать свои значения и некоторые традиционные слова. Ряд известных языковедов, например С.Б. Бернштейн, Р.И. Аванесов и др., отмечали, что задачи, стоящие перед составителями общеславянского лингвистического атласа, не могут быть полностью решены без некоторых данных венгерского и румынского языков. Славянские заимствования в венгерских говорах могут быть полезны в собственно славистических штудиях. Несомненно также, что славизмы в венгерских говорах Закарпатья должны использоваться и в ходе реконструкции «паннонского» периода в истории праславянского языка, при изучении истории и современного состояния украинских говоров – например, в зоне Карпат.

Ключевые слова: венгерские племена, заимствования, карпатский регион, межъязыковые контакты, праславянские языки.

Статья посвящена прямым контактам угорских племён со славянскими племенами починаючи з VII ст., коли угорці віднайшли свою нову батьківщину. Ці контакти розпочалися в Леvedії та Етелкизі. Значна увага приділена дослідженню контактів між угорськими племенами й східними слов'янами, полянами (предками українців), у першу чергу, та українцями (русинами) на території Карпатського регіону. Велика кількість слов'янських запозичень в угорській мові та її говорах є цінним джерелом для ґрунтовного дослідження історії праслов'янських мов. Під час розгляду мовного контактування особливий інтерес представляє також з'ясування характеру лексичних запозичень та їх типів. Із семантичної точки зору угорські запозичення в українських говірках Закарпаття та українізми в угорських говірках Закарпаття можна розглядати у трьох аспектах: а) за об'ємом їхнього лексико-граматичного значення; б) за мотивацією запозичення нового лексичного значення та відповідного йому характеру семантики; в) за співвідношенням семантики в мові, що запозичує, та в мові-передатчі. Важливо також відзначити, що у випадку семантичної субституції запозичуваних слів деякі традиційні слова можуть змінювати або модифікувати свої значення. Відомі мовознавці, наприклад С.Б. Бернштейн, Р.І. Аванесов та інші, відзначали, що завдання, які стоять перед укладачами загальнослов'янського лингвістичного атласу, не можуть бути повністю вирішеними без деяких даних угорської та румунської мов. Слов'янські запозичення в угорських говірках можуть бути корисні у, власне, славистичних студіях. На Закарпатті й досі тривають інтенсивні контакти і взаємовплив угорських і українських діалектів, перш за все – в лексико-семантичній сфері. Відтак, безсумнівно, що славізми в угорських говірках Закарпаття повинні використовуватися і в ході реконструкції «панонського» періоду в історії праслов'янської мови, під час вивчення історії та сучасного стану українських говірок – наприклад, в зоні Карпат.

Ключові слова: запозичення, карпатський регіон, міжмовні контакти, праслов'янські мови, угорські племена.

The paper deals with the direct contacts of the Hungarian tribes with the Slavic ones since the VII century, when the Hungarians found their new motherland. These contacts began in Levedia and Etelkezy. Much attention is paid to the study of contacts firstly between the Hungarian tribes and eastern Slavs, polyans (ancestors of the Ukrainians) and the Ukrainians (Rusyns) on the territory of Carpathian region. A great number of Slavic borrowings in the Hungarian language and its dialects serves as a valuable source of research on history of Pre-Slavic languages. From the semantic viewpoint, Hungarian borrowings in the Ukrainian dialects and Ukrainian borrowings in the Hungarian dialects of Zakarpattya can be considered from three aspects according to: a) the volume of their lexico-grammatical meaning; b) motivation of a borrowed new lexical meaning and corresponding character of its semantics; c) correlation of semantics in the borrowing language

and the language transmitter. It is necessary to highlight that under the semantic substitution of the borrowed words, some traditional ones may change or modify their meanings. A number of outstanding linguists, for example S.B. Bernshtein, R.I. Avanesov and others stated that the tasks set before the compilers of all-Carpathian atlas could not be completely fulfilled without certain data of Hungarian and Romanian languages. Slavic borrowings in Hungarian dialects can be useful in the Slavic studies. There is also no doubt that slavisms in the Hungarian dialects of Transcarpathia should also be used during the reconstruction of the «Pannonian» period in the history of the Pre-Slavic language, when studying the history and current state of Ukrainian dialects – for example, in the Carpathian region.

Key words: Carpathian region, cross-language contacts, Pre-Slavic languages, borrowings, Hungarian tribes.

Постановка проблемы. В статье речь идёт об исследовании славянских заимствований в венгерском языке и его говорах на Закарпатье. Эта проблема и поныне остаётся ещё слабо изученной как в теоретическом, так и в практическом плане. Только в последнее время появились отдельные работы, посвящённые изучению восточнославянско-венгерских и украинско-венгерских межъязыковых контактов, но в них речь идет, прежде всего, о контактировании литературных языков, а междиалектному контактированию, которое лучше раскрывает историю контактирующих языков, материальную и духовную культуру народов, находящихся между собой в непосредственных связях, почти не уделяется внимания.

Постановка задания. Целью статьи является рассмотрение славянских заимствований в венгерском языке.

Изложение основного материала.

1. О языковых контактах. Понятие «языковые контакты» трактуется исследователями по-разному. У. Вайнрайх [31, с. 27], Э. Хауген [21, с. 4–6], В.Ю. Розенцвейг [12, с. 61–63] и другие рассматривают языковые контакты как периодическое использование двух или более языков одним и тем же лицом. Тем самым они сужают понятие языковых контактов до анализа билингвизма или мультилингвизма. Кроме того, они не проводят различия между билингвизмом как процессом языковых контактов и билингвизмом как их результатом, не изучают тех общественных явлений, которые способствовали возникновению двуязычия.

Безусловно, при определении понятия «языковой контакт» большое внимание следует уделять и внеязыковым факторам (экономический и политический уклад, религия, материальная и духовная культура, история, этнография, психологический уклад и т. д.), поскольку они в значительной мере стимулируют процесс языковых контактов. Исходя из сказанного, мы считаем возможным дать следующее определение: *«Языковой контакт как реальный и необходимый факт действительности является общественным процессом, характеризующим межъязыковые отношения, основанные на единстве индивидуальных языковых фактов и фактов экстралингвистического характера»* [5, с. 165].

Понятие «языковые контакты» рассматривается нами в широком плане. В него мы включаем разные языковые связи на разных уровнях, сложившиеся как между генеалогически родственными, типологически близкими, так и между неродственными, типологически отдалёнными языками (диалектами).

Безусловно, при маргинальном контактировании территориальное размещение контактирующих коллективов играет важную роль, которая иногда подчиняется другим, более важным факторам, а именно: при внешнем и внутреннем контактировании языков большое внимание необходимо уделять характеру контактирующих языков, то есть тому, какой из контактирующих языков на данном этапе является государственным, господствующим языком, насильственно распространяющимся среди другого коллектива. Так, например, в течение 1000 лет восточнославянское население Закарпатья находится в непосредственных языковых отношениях с венгерским населением, однако до 1867 года контакт между этими языками был непосредственным, равноправным, естественным, то есть ни один из этих языков не имел привилегированного положения потому, что обе нации были одинаково угнетены австрийской монархией. В этот период заимствовались самые необходимые слова как одним, так и другими языком, и они обогащали их словарный состав. Однако вследствие подъёма национально-освободительных движений XIX-ого века Австрийская империя претерпела кризис и была вынуждена пойти на некоторые уступки. В 1867 году был принят австро-венгерский дуализм, превративший монархию в австро-венгерскую империю.

В результате этих политических перемен венгерский язык становится государственным, а с 1879 года он стал обязательной дисциплиной во всех без исключения школах Закарпатья. Понятно, что привилегированное положение венгерского языка в корне изменило характер контактирования языков. Значительно возрастает в украинских говорах Закарпатья количество лексических заимствований из венгерского языка за счёт общественно-политической, юридической и финансовой лексики. Лексические венгеризмы

проникали не только в результате непосредственного общения людей между собой, но и заимствовались через школу, различные государственные учреждения и книжным путём. Всё это свидетельствует о том, что территориальное размещение контактирующих языков не всегда являлось определяющим. Подтверждением этой точки зрения может служить и то, что украинское население Закарпатья находится почти в таких же непосредственных языковых контактах со словаками и румынами, однако эти языки, не будучи государственными, господствующими в Закарпатье, не оказали какого-либо заметного влияния на исследуемые украинские говоры. Таким образом, при внешнем и внутреннем контактировании языков большое внимание необходимо уделять характеру взаимного общения контактирующих сторон, то есть тому, контактируют ли между собой равноправные языки или один из контактирующих языков на данном этапе является господствующим, привилегированным.

При рассмотрении языкового контактирования особый интерес представляет также выяснение характера лексических заимствований и их типов. Большинство лингвистов отмечает, что лексическое заимствование всегда было нормальной функцией лингвистической жизни, что заимствования присущи каждому языку. Отрицать этого, подобно Фердинанду де Соссюру [15, с. 44], нельзя, поскольку это означало бы отрицание тех тесных экономических, политических и культурных взаимосвязей, которые реально существуют между разными народами и в результате которых происходило лексическое взаимопроникновение.

Выяснению сущности языковых заимствований лингвисты посвятили ряд трудов, однако в научной литературе до сих пор нет полного определения заимствования.

Заимствование слов не может автоматически включаться в воспринимающий язык. Заимствование неразрывно связано с активным воздействием языка на то, что он заимствует из внешнего источника, то есть с преобразованием, переделкой заимствованного слова, прежде всего, в фонетическом отношении и приданием ему его грамматического оформления по законам грамматики заимствующего языка. Исходя из этого, мы предлагаем следующее определение: *«Лексические заимствования – это результат продолжительного языкового процесса, в течение которого слова (и их структурные элементы) одного языка постепенно усваиваются системой другого языка в результате языковых, экономических и культурных отношений разных народов»*

[5, с. 173]. Мы различаем пять типов заимствований: 1) *лексическое*; 2) *фонологическое*; 3) *морфологическое* (заимствование морфем происходит, разумеется, в составе слова); 4) *синтаксическое* и 5) *семантическое*. Лексическое заимствование является наиболее типичным и регулярным видом заимствования.

Лингвисты выделяют ряд мотивов, способствующих перенесению иноязычной лексики, однако от их внимания ускользнули такие факторы, как: 1) стремление заменить собственные описательные наименования односоставными иноязычными наименованиями; 2) стремление к устранению полисемии традиционных слов; 3) стремление уточнить, детализировать отдельные понятия.

Основным условием перехода слов из одного языка в другой является наличие двуязычия. Следует, однако, отметить, что слово, перейдя из одного языка в другой в результате двуязычия, ещё не усвоено заимствующим языком. Процесс его полного усвоения проходит постепенно и завершается тогда, когда слово усвоено значительным количеством людей и начинает закреплять свои позиции в том языке, который его заимствовал.

Понятно, что межъязыковые контакты можно изучать только в неразрывной связи с историей соответствующих народов, с учётом этапа общественного развития, на котором эти народы находятся, а также лингвистической специфики взаимодействующих языков и наличия либо отсутствия между ними родства.

2. Восточнославянские заимствования в венгерском языке

Известно, что восточные славяне отделились от других славян примерно в IV–VI вв. н. э. и занимали территорию от Карпат на северо-восток через р. Днепр до р. Волги выше Новгорода. К восточнославянским племенам принадлежали: *поляне, древляне, дулебы, уличи, северяне, вятичи, радимичи, дреговичи, кривичи, ильменские славяне и белые хорваты*, которых в Карпатском регионе называли *русинами*. Этнические связи венгерских племен существовали только с теми восточнославянскими племенами, которые жили в полосе лесостепи. По свидетельству Б. Грекова [3, с. 44], эти восточнославянские племена уже находились на начальной стадии государственной формации. К числу таких племён, находившихся в непосредственных контактах с венгерскими племенами, относились *поляне, северяне и вятичи*. Эти племена жили в степной полосе, и именно по их территории проходили венгерские племена. Среди них на более высоком уровне развития находились *поляне*, на территории которых в течение IX в. образуется государство. Многие

исследователи считали, что венгерские племена появились в степях на север от Чёрного моря в 30-х годах IX в. [27, с. 244–250]. Из этого утверждения следует, что венгры находились в контактах с восточными славянами до 80-х годов IX в., то есть на протяжении 50 лет. Однако новейшие данные лингвистики и археологии дают основания предполагать, что венгерские племена значительно раньше вошли в контакт с восточными славянами. Янош Мелих считает, что словом *ogre* > *ugri* славяне называли оногуров, а позднее венгров. В VI–VII в. союз оногуров распался, и с VI по VIII в. слово *ogre* > *ugri*, видимо, использовалось для называния венгров. Бернат Мункачи также указывал, что восточные славяне в начале IX в. ещё произносили носовые гласные, и поэтому только от них, а не в Паннонии, услышали венгры впервые это название [28., с. 41–51]. И. Перени приходит к выводу, что славянское название «венгры» могло возникнуть в период последних десятилетий VI века до начала VIII в. [11, с. 11–29].

В различных арабских источниках упоминается, что у венгров было много пахотной земли. Как известно, одна часть лексики земледельческой культуры древних венгров тюркского, а другая часть – славянского происхождения. Это значит, что венгерские племена уже находились в контактах с восточнославянскими племенами, у которых, как отмечает подавляющее большинство венгерских исследователей, земледельческая культура, рыболовство и скотоводство были, наверное, значительно более развиты, чем у венгров.

Сейчас почти все сходятся на том, что венгерские племена находились в непосредственных контактах с восточными славянами и в первую очередь с предками современного украинского населения. Следует только на основании научных данных решить вопрос, как долго продолжались эти контакты и что представляли собой в то время венгерские племена в языковом отношении.

И. Перени указывает, что венгерские племена не были едины ни этнически, ни в языковом аспекте, и венгерский язык представляли только те элементы, которые были объединены в племя *медьер* (*megyer*). Он предполагает, что местом, где члены племенного союза уже говорили только на одном или двух языках, была территория между Волгой и Доном. Между V–IX вв. на этой территории не упоминается какой-нибудь другой народ. Эта территория с географической точки зрения была очень выгодна для полукочевой хозяйственной жизни венгров. Если венгры обитали здесь, то наверняка контактирование их с восточнославянским племенем вятичей состо-

ялось уже в VII в. Примерно в конце VII века дунайские булгары ушли с побережья Чёрного моря, а на опустевшие причерноморские степи, перейдя Дон, переселились венгерские племена, которые вступили в контакты с новым восточнославянским племенем – северянами, а позднее, примерно в начале IX в., – с полянами. Столь продолжительная кочёвка от северян к полянам объясняется тем, что занятие степей проходило довольно медленно. Кроме того, поляне уже имели государственную организацию, и не так легко было пройти эту территорию. Следовательно, контакты венгерских племён с восточнославянскими племенами были, наверное, более продолжительными, чем на это указывали раньше исследователи, т. е. эти контакты могли продолжаться 250–300 лет. И сам И. Перени приходит к подобному выводу, отмечая, что если «пересмотрим лингвистические и этнографические данные, свидетельствующие о соприкосновении венгров с восточными славянами и с данными, имеющимися в арабских источниках, то можем установить, что связи между обоими народами были более тесными и более многогранными и, главным образом, более продолжительными, чем до сих пор предполагали наши языковеды, историки и другие специалисты, занимающиеся древней историей венгров» [11, с. 28].

Безусловно, полный ответ на этот вопрос можно будет дать после обстоятельного исследования славянских заимствований в области венгерской земледельческой терминологии и глубокого изучения земледельческой культуры восточных славян VII–IX вв., а также рыболовецкой терминологии. Но и теперь, при нынешнем состоянии исследования этих вопросов как в лингвистическом, так и в этнографическом, а также археологическом аспектах большинство исследователей признаёт, что венгерские племена до прихода на свою собственную территорию проживания находились в довольно продолжительных контактах с восточнославянскими племенами и переняли у последних целый ряд слов.

К восточнославянизмам в венгерском языке можно отнести следующие слова: в. [венгерское] *bab* > др.[древнерусское] *бобъ* «боб», в. *borona* < др. *борона* «борона», в. *cseléd* < др. *чел#дь* «слуги», в. *dinnye* < др. *диня* «арбуз», в. *halom* < др. *хальмъ* «гроб, холм», в. *igríc* < др. *игрьць* «музыкант», в. *ikra* < др. *икра* «икра», в. *iszap* < др. *исъпъ* «мелководье», в. *jász* < др. народ «Яссы», в. *kerecset* < др. *кречеть* «цикада», в. *lengyel* < др. *л#джань* «поляк», в. *naszád* < др. *насадъ* «вид судна», в. *rab* < др. *рабъ* «раб», «невольник», в. *rozs* < др.

рожь «рожь», в. *szégye* < др. *chǫжа* «рыболовная сеть», в. *szín* < др. *chнь* «навес», в. *szolga* < др. *слуга* «слуга», «служитель», в. *taliga* < др. *melha* «двухколесная повозка», в. *tanya* < др. *тоня* «место, где ловят рыбу», в. *tár* < др. *товарь* «обоз, богатство, деньги», в. *vajda, vojevoda* < др. *вожевода* «вождь, военачальник, ист. воевода», в. *veréb* < *веребий* «воробей», в. *zsír* < др. *жирь* «жир» и другие.

Ряд языковедов [28, с. 3–14; 19, с. 48–49] склонны считать восточнославянизмами и целый ряд слов со старыми носовыми гласными типа: *abroncs* «обруч, обод», *bolond* «глупый, сумасшедший», *donga* «клепка (бочки)», *dorong* «дрючок», *galamb* «голубь», *gerenda* «бревно, балка», *gerendely* «градиль», *gomba* «гриб», *goromba* «грубый», *göndör* «кудрявый», *korong* «диск», *munka* «робота», *péntek* «пятница», *porond* «песок», *rend* «ряд», *szelemen* «прогон», *szent* «святой», *szombat* «суббота», *tompa* «тупой» и некоторые другие. Однако этот вопрос на сегодня считается спорным и ждёт своего решения. Во всяком случае, часть этих слов, как нам кажется, несомненно вошла в венгерский язык ещё до X столетия, т.е. до прихода венгерских племён на современную территорию их проживания.

3. Украинизмы в венгерском языке

Заселяя постепенно новые территории на северо-восток, венгры оставили Карпаты, продвинулись за Тису и прошли дальше, затем в поисках новой незаселённой территории постепенно возвратились назад и приблизительно в XII в. вступили на территории карпатского региона по течению р. Тисы, Латорицы и Боржавы в непосредственные и продолжительные контакты с восточными славянами, т.е. с предками современного украинского населения. Вследствие таких контактов постепенно между двумя языками и их говорами происходит взаимовлияние, в результате которого много украинских слов вошло в соседние венгерские говоры, и, наоборот, значительное количество венгерских слов – в соседние украинские говоры Закарпатья. Среди украинизмов в венгерском языке и его говорах можно отметить следующие: в. [венгерское] *babájka* < у. [диалектное украинское] *бобал'ка* «клёцка, род галушок, приготовленных к Рождеству», в. *berbenyca* < у. *бербеница* «а» «бочонок (чаще всего для овечьего сыра)»: в. *bida* < у. *біда* «беда, несчастье», в. *bráha* < у. *брага* «род напитка из просяного солода», в. *branka* < у. *бранка* «составная часть ткацкого станка», в. *burján* < у. *бур'ан* «сорная трава», в. *butyka* < у. *бут'ка* «будка для собаки», в. *cerkó* < у. *цир'ков* «церковь», в. *cipke* < у. *ципки* «составная часть ткацкого станка», в. *csekáj* < у. *чекай* «межд. от глагола

ждать (чекати)», в. *csereda* < у. *череда* «стадо большого рогатого скота», в. *cseresz* < у. *черец* «широкий кожаный пояс с украшениями», в. *csorpák* < у. *черпак* «большая деревянная ложка для набора воды», в. *cservinka* < у. *червінка* «дизентерия», в. *drácska* < у. *драчка* «колючка», в. *csinál* < у. *чинити* «что-нибудь делать», в. *durnyi* < у. *дурний* «дурак», в. *dzobál* < у. *дз'обати* «клевать», в. *het* < у. *гет* «прочь», в. *harisnya* < у. *холошн'и* «брюки из домотканного сукна», в. *kalamajka* < у. *коломыйка* «особый вид песен на гуцулщине», в. *kocsány* < у. *кочан* 1) «кочан капусты»; 2) «початок кукурузы». в. *kocserha* < у. *кочерга* «кочерга», в. *kopácska* < у. *копачка* «кирка», в. *karamizlo* < у. *коромысло* «коромысло», в. *kozel* < у. *козел* «стог соломы», в. *kazák* < у. *козак* «козак», в. *kupec* < у. *купец* «купец», в. *kutacs* < у. *кутач* «маленькая железная кочережка», в. *lopátka* < у. *лопатка* «молодой стручок фасоли», в. *morkó* < у. *морков* «морковь», в. *pászma* < у. *пасмо* «пасмо, мера ниток», в. *pózna, pavuzina* < у. *павзны, павузины* «стропила на соломенной крыше дома», в. *pászkuđa* < у. *паскуда* «дрянь, пакостник», в. *pelenka* < у. *пеленка* «пеленки», в. *potroh* < у. *потрохи* «внутренности животных», в. *piroha* < у. *пирог* «вареники», в. *polonina* < у. *полонина* «пастбище на вершинах гор», в. *prátál* < у. *пр'атати* «прятать», в. *prisztás* < у. *присатаи* «жених, который после свадьбы перебирается жить к родителям невесты», в. *putyinka* < у. *путинки* «гриб опенок», в. *rakovina* < у. *роковина* «дань, которую ежегодно платили верующие священнику», в. *szerbál* < у. *сербати* «хлебать», в. *szirota* < у. *сирота* «сирота», в. *szkotár* < у. *скотар* «скотник, пастух рогатого скота», в. *susinka* < у. *шушинка* «сухофрукты», в. *tákoj* < у. *такой* «сразу», в. *tákyj* < у. *такий* «такой», в. *vecsurka* < у. *веручки* «вечерницы», в. *zaha* < у. *зага* «изжога», в. *zamiska* < у. *замиска* «еда, приготовленная из кукурузной муки», в. *zavadzsál* < у. *завадж'ати* «мешать кому-нибудь», в. *zolya* < у. *зола* «зола, пепел» и др. Следует отметить, что в словарном составе венгерских говоров имеется ряд украинизмов-неологизмов, заимствованных после 1945 года: *advokát, билет, bilizna, binokl, bint, cserdák, dámba, grafik, gramota, gripp, gruppа, gruscsik, hálát, kurtka, krán, kvitancia, poduska, szarafán, száráj, szir, szirák, szkovorotka, szpicski, szprávkа, sztogramm, sztorozs, tápocski, továr, usánka, utyuh, válenki, vorotnyik, vremjanka, zeljonka, zob, zsulik, zsurnál* и др.

4. Венгерские заимствования в украинских говорах Закарпатья

Конечно, что при продолжительном контактировании венгров со славянским населением влияние было не односторонним, а обоюдным, т.е.

целый ряд венгерских слов вошёл в славянские языки и их говоры. Проникновение венгерских слов началось несколько позже, т. е. в период, когда венгерские племена, ведя оседлый образ жизни, начали производить новые орудия труда, усовершенствовали старые, а это привело к появлению новых понятий, реалий, наименования которых перешли и в славянские языки. Самое большое влияние оказал венгерский язык на украинские говоры Закарпатья, восточнославянские говоры и северо-восточные говоры сербо-хорватского языка. Литературные же языки (украинский, словацкий, сербо-хорватский) какого-нибудь заметного влияния со стороны венгерского языка не ощутили, в то время как влияние славянских языков на венгерский литературный язык было достаточно значительным.

Более 90% всех венгерских заимствований вошло в контактирующие украинские говоры Закарпатья непосредственно из соседних венгерских говоров. Это, в первую очередь, слова, обозначающие названия предметов, признаков, связанных с бытом людей, их внешними и внутренними особенностями, сельским хозяйством, народной метрологией, верованиями, обрядами и обычаями, животноводством, выращиванием культур и т.д.

Среди наиболее распространённых венгеризмов в украинских говорах Закарпатья можно назвать следующие: у. *алдомаиш* < в. *áldomás* «могорыч», у. *аллаиш* < в. *állás* «1) леса; 2) временный навес для сельскохозяйственного инвентаря; 3) общее название какой-либо должности»; у. *аповолка* < в. *ápolónő* «медицинская сестра, санитарка»; у. *аруив* < в. *ásó* «заступ», «лопата», «орудие для вскапывания земли», у. *багов* < в. *bagó* «жевательный табак», у. *бадог* < в. *bádóg* 1) обычная цинковая жесть; 2) жестяной сосуд для керосина; 3) обычная нецинковая жесть; 4) жестяная кружка для питья воды, у. *байусы* < в. *bajusz* «1) усы; 2) ость (пшеницы, овса и т. д.); 3) росток, побег, усики винограда»; у. *балта* < в. *balta* «топор», у. *бановати* < в. *bán* «печалиться, грустить, жалеть», у. *бантовати* < в. *bánt* «трогать, беспокоить кого-нибудь», у. *бачи* < в. *bácsi* «дядя» (форма обращения к мужчинам старшего возраста), у. *бет'ар* < в. *betyár* «1) жулик, разбойник, сорвиголова; 2) сильный отважный человек», у. *бизовати* < в. *bízik* «доверять, положиться на кого-либо», у. *бийлиш* < в. *bélés* «подкладка», у. *бирив* < в. *bíró* «сельский староста», у. *бировати* < в. *bír* «мочь, быть в состоянии», у. *бирфа* < в. *bérfa* «боковая доска повозки в виде лестницы», у. *битанга* < в. *bitang* «бродяга, лентяй, дебошир», у. *бовт* < в. *bó't* «1) магазин; 2) торговая сделка»,

у. *ботанчи* < в. *bakancs* «тяжелые ботинки», у. *босоркан'а* < в. *boszorkány* «1) ведьма, баба-яга; 2) колдунья», у. *вам, вама* < в. *vám* «1) таможня; 2) пошлина; 3) мера, мерка, плата за помол», у. *варош* < в. *város* «1) город; 2) центр села», у. *вашиар* < в. *vásár* «рынок, базар»; у. *видуйк* < в. *vidék* «1) окрестность; 2) территория соседнего села», у. *гайов* > в. *hajó* «лодка, судно», у. *гамішний* < в. *hamis* «фальшивый, хитрый», у. *гинтовка* < в. *hintó* «качалка», у. *гордив* < в. *hordó* «бочка», у. *гусар* < в. *huszár* «гусар, кавалерист», у. *газда* < в. *gazda* «1) хозяин; 2) багатеи; 3) муж, супруг», у. *гам'и* < в. *gatyá* «1) кальсоны; 2) штаны из домотканого полотна», у. *геренда* < в. *gerenda* «1) одна из трёх-четырёх поперечных балок в деревянном потолке дома; 2) продольная балка в деревянном потолке дома», у. *гуляш* < в. *gulyás* «суп-гуляш», у. *дереш* < в. *deres* «1) конь светлой серой масти; 2) скамья для побоев», у. *доган* < в. *dohány* «табак», у. *доломан* < в. *dolmány* «длинное пальто с петлями – венгерская праздничная одежда», у. *дуна* < в. *dunna* «перина», у. *жеб* < в. *zseb* «карман», у. *живан'* < в. *zsivány* «1) физически сильный человек; 2) разбойник», у. *иппен* < в. *éppen* «как раз, именно, только-что», у. *кобат* < в. *kabát* «1) пальто; 2) женская юбка», у. *капан* < в. *kalap* «шляпа», у. *катуна* < в. *katona* «солдат», у. *кел'чур* < в. *költés* «1) пища; 2) расходы», у. *кефа* < в. *kefe* «щётка для чистки одежды и обуви», у. *кифлик* < в. *kifli* «рогалик», у. *ковдош* < в. *kó'dus* «нищий», у. *конт'а* < в. *konty* «заложенная коса (у женщин)», у. *копча* < в. *kapocs* «1) металлическая застежка на одежде; 2) приколка для волос», у. *кофа* < в. *kofa* «торговка, перекупка», у. *лабош* < в. *lábás* «сковородка», у. *левеш* < в. *leves* «мясной суп», у. *легин'* < в. *legény* «1) юноша, парень; 2) любимый», у. *линтар'* < в. *lingár* «сорванец, висельник, разбойник», у. *луйтра* < в. *létra* «1) лестница; 2) грядка в телеге», у. *марадик* < в. *maradék* «остаток отары овец», у. *можар.* < в. *mozsár* «медная ступка», у. *надраги* < в. *nadrág* «брюки, штаны», у. *напсамош* < в. *napszátos* «поденщик», у. *ниїні* < в. *néni* тётя (форма обращения к женщинам старшего возраста или к незнакомой женщине), у. *оков* < в. *akó* «мера веса, приравнивавшаяся к 2/3 венского фунта», у. *оргона* < в. *orgona* «сирень», у. *орсар* < в. *országút* «шоссе», у. *надлаиш* < в. *padlás* «1) потолок из досок в доме; 2) пол из досок в доме; 3) пол из досок в хлеву», у. *папучи* < в. *papucs* «тапочки», у. *пина* < в. *pipa* «трубка (для курения)», у. *пойтаиш* < в. *pajtás* «друг, приятель», у. *приїзли* < в. *prézli* «панировочные сухари», у. *пул'ка* < в. *pulyka* «индюк, индюшка», у. *пушка* < в. *puska* «винтовка», у. *п'анда* < в. *rongy* «тряпка,

лоскут, ветошь», у. *панташ* < в. *rántás* «заправка, подболтка», у. *пантома* < в. *rántotta* «яичница», у. *понтуй* < в. *rostély* «1) решётки на окнах; 2) забор из штахет; 3) железная изгородь вокруг церкви», у. *сабів* < в. *szabó* «портной», у. *серсама* < в. *szerszám* «орудие, инструмент», у. *сивет* < в. *szövet* «шерсть, материал из шерсти», у. *сомап* < в. *szatár* «осел», у. *талпа* < в. *talp* 1) подошва обуви; 2) перен. глупый человек», у. *тенгеріца* < в. *tengeri* «кукуруза», у. *тивчар* < в. *tő*^{TM}*csér* «лейка», у. *фаїма* < в. *fajta* «вид, порода», у. *фалка* < в. *falka* «стая овец, отделившаяся от стада», у. *фійса* < в. *fejse* «топор-колун», у. *фійовка* < в. *fiók* «1) ящик в столе; 2) ящик в кухонном шкафу», у. *фіріс* < в. *fűrész* «пила, пилка», у. *форош* < в. *fogas* «вешалка», у. *хосен* < в. *haszon* «польза, выгода», у. *церица* < в. *ceruza* «карандаш», у. *цібзар* < в. *cipzár* «застёжка, замочек-молния», у. *цімбора* < в. *cimbora* «друг, товарищ, приятель», у. *чивдап* < в. *cső*^{TM}*dör* «жеребец», у. *чіжмы* < в. *csizma* «сапоги», у. *чотырна* < в. *csatorna* водосточная труба, у. *шаркан* < в. *sárkány* «1) змей; 2) бумажный змей, дракон», у. *шкатулка* < в. *skatulya* «шкатулка для хранения ценностей», у. *шонка* < в. *sonka* «окорок», у. *шор* < в. *sor* «ряд», у. *шпор* < в. *spór* «цельнометаллическая или каменная плита», у. *шуга* < в. *soha* «никогда» (употребляется чаще всего в сочетании *нигда шуга*), – у. *шугар* < в. *sugár* «вол светлой масти» и целый ряд других.

Книжным путём проникала незначительная часть венгеризмов преимущественно через переводы, различные официальные государственные документы, школу и военные предписания. Следует отметить, что венгерские заимствования не всегда приносят с собой новые понятия, а используются в языке параллельно с другими словами, обозначавшими раньше эти понятия, образуя, таким образом, синонимический ряд, напр. *вішак* и *фотош*: *вішак* – «вешалка с деревянными колышками» и *фотош* (< в. *fogas*) – «вешалка более красивой конструкции, изготовленная фабричным способом»; *пудстолина* и *фійовка*: *пудстолина* – «выдвижной ящик в столе, изготовленный самодельным способом» и *фійовка* (< в. *fiók*) – «выдвижной ящик стола, шкафа лучшей конструкции, изготовленный фабричным способом» и т.д. Среди венгеризмов в украинских говорах Закарпатья выделяем 29 основных семантико-тематических групп и 152 подгрупп. Наибольшей среди тематических групп является бытовая лексика, включающая около 29% слов от всех заимствований. Кроме того, данные тематической группировки способствуют также выяснению вопроса о количественном соотношении

различных частей речи среди лексических заимствований. В этом отношении на первом месте находятся существительные (85,3%), значительно меньше глаголов (8,8%), прилагательных (3,2%), наречий (1,6%), междометий (0,8%), союзов (0,2%) и частиц (0,1%). Числительных и местоимений среди венгеризмов нет.

5. Взаимовлияние украинского и венгерского языков (говоров)

Несмотря на наличие венгерских заимствований в украинских говорах Закарпатья и украинских заимствований в венгерских говорах Закарпатья, следует отметить, что традиционная лексика этих языков (говоров) очень богатая, многовариантная и самобытная. Однако многовековая совместная экономическая, политическая и культурная жизнь украинцев Закарпатья и венгров и, в первую очередь, постоянное общение между ними не могли не содействовать и проникновению целого ряда заимствований. Большинство этих заимствований обозначает предметы, понятия, действия, связанные с повседневной жизнью людей, а также с конкретными аспектами культурно-исторического взаимоотношения украинцев и венгров, и имеют определенное этнографическое значение, так как помогают лучше представить те области материальной и духовной культуры, в которых украинцы и венгры находились в тесных контактах и вследствие определённых обстоятельств могли влиять друг на друга. Так, например, собранный нами лексический материал, касающийся венгерско-украинских междиалектных контактов, даёт основания утверждать, что высокая культура украинцев в строительстве деревянного жилья оказала определённое влияние на строительную культуру венгров: у. диал. *рог, руг, роги* > в. *rag* «составная часть крыши», у. *селемено* > в. *szelemen(fa)* «одна из поперечных балок в деревянном потолке хаты», у. *спіха* > в. диал. *iszterha, isztorha* «карниз под крышей», у. диал. *кобыла, кобылина* > в. диал. *kabala, kabyla* «стропила, которыми скрепляют соломенные кровли хат», у. диал. *навза, навузина* > в. диал. *rózna, ravuzina* «стропила, которыми скрепляют соломенные кровли хат», у. диал. *обора, оборуз* > в. *abora* «навес, соломенная кровля на столбах для хранения сена» и другие. В свою очередь, часть лексики, связанная со строительством жилья из кирпича и камня, украинцы Закарпатья переняли у венгров: в. *garádics* < у. диал. *тарадічі* «лестница, ступеньки», в. *tégla* < у. диал. *тійгла, тийгла* «кирпич», в. диал. *forgató* > у. диал. *фортіма* «дверная ручка», в. диал. *szegelet* > у. диал. *серелет* «внешний или внутренний угол дома», в. *tornác* >

у. диал. *торнац, торнадц* «полуоткрытое крыльцо вдоль крестьянского дома», в. *csatorna* > у. диал. *чотырна* «водосточная труба» и другие. Или, например, ткацкую лексику венгры позаимствовали у славян, в том числе и от украинского населения Закарпатья: у. *бердо* > в. *borda*, у. *бранка* > в. *bránka*, у. *човник* > в. диал. *csó'nak*, у. *чипки* > в. *сипке* «составные части ткацкого станка», у. *кужиль* > в. *kuzsaj* «прялка», у. *пасмо* > в. *pászma* «пасмо, мера ниток» и т. д., а лексику, связанную с возделыванием и обработкой табака, украинское население Закарпатья в основном усвоило у венгров: в. диал. *dohán* > у. диал. *доган* «табак», в. *melegágy* > у. диал. *мелегад'* «теплица для выращивания рассады табака», в. *simít* > у. диал. *шимитовати* «гладить табачные листья» и ряд других. Такие заимствования обогащают лексику контактирующих говоров и проливают свет на историю и культуру народов, которые длительное время непосредственно связаны между собой.

С семантической точки зрения венгеризмы в украинских говорах Закарпатья и украинизмы в венгерских говорах Закарпатья можно рассматривать в трёх аспектах: а) по объёму их лексико-грамматического значения; б) по мотивации заимствования нового лексического значения и вытекающему из него характеру семантики; в) по соотношению семантики в заимствующем языке и в языке-передатчике.

По объёму лексико-грамматического значения заимствования разделяются на однозначные (моносемантические) и многозначные (полисемантические).

По мотивации заимствования нового лексического значения можно разделить на три основные группы: 1) заимствования, называющие новые, до того не известные в языке (говорах) понятия. Заимствование этих слов вызвано коммуникативной необходимостью, т.е. необходимостью дать название новым предметам, явлениям, которые являются их единственными названиями, т.е. литературных эквивалентов не имеют, или же имеют такое литературное соответствие, которое исследуемым говорам не известно и в разговорной речи не употребляется: *аруйв* (в. *ásó'*) «заступ, лопата», *багов* «жевательный табак» и др.; 2) заимствования, совпадающие по смыслу с уже известными для исследуемых говоров традиционными словами и выступающие как лексические дублиеты, напр., в украинских говорах: *сиротник* (<венг. *lelenc*), в венгерских говорах: *bódé...*, *бутика* (< укр. диал. *бутька*) «будка для собаки»; 3) заимствования субъективной оценки: *хитрый* – *гамішний* (<венг. *hamis*) «хитрый»; *болонд* – *дурный* (< укр. *дурний* «дурак»).

По соотношению семантики в заимствующем языке и в языке-передатчике заимствования (венгеризмы и украинизмы) можно разделить на 6 групп: 1) заимствования, которые в языке-источнике были полисемантическими и в основном те же значения сохранили и в заимствующем языке: *тазда* (в. *gazda*): хозяин; богатый; супруг; 2) слова, которые на почве заимствующего языка развили новые значения, неизвестные языку-передатчику, например *бимбов* (в. *bimbó'*), кроме венгерского значения на почве украинских говоров Закарпатья, имеет также значения: толстый человек; сосок; имя вола; сорт крупной фасоли и др.; 3) заимствования, которые в языке-источнике являются полисемантическими, а в исследуемые говоры вошли только с одним (главным образом основным) значением – например, лексема *бановати* (в. *bán*) в венгерском языке имеет 5 значений, а в говорах Закарпатья только одно значение – *грустить*; 4) заимствования, которые в языке-источнике выступают с более широким, общим значением, а перейдя в заимствующий язык (говора), они сужают свое значение. Например, лексема *добоз* в венгерском языке употребляется в широком значении – как «любая коробка», а в украинских говорах Закарпатья только в одном значении: «деревянная или металлическая коробка с украшениями»; 5) слова, которые на почве заимствующих говоров расширили свою семантику: лексема *бутор* (в. *bútor*) имеет одно значение – *мебель*, а в говорах Закарпатья – ещё и «приданое невесты в виде мебели и белья»; 6) заимствования, которые в языке-передатчике утратили свою первоначальную семантику, а в заимствующем языке она сохранилась: заимствованная лексема *илет* (в. *élet*) выступает со значением «стол, накрытый богатой пищей», а в венгерском языке она уже архаизировалась. Следует также отметить, что при семантической субституции заимствованных слов могут изменять или модифицировать свои значения и некоторые традиционные слова.

6. История исследования венгерско-украинских междиалектных контактов

Исследование венгерско-украинских междиалектных контактов и сегодня имеет большое значение.

Первые исследования этой проблемы встречаются уже в 30-х годах XIX в. Так, закарпатец И. Фогороший (псевд. Бережанин) в письме к И. Орлаю в 1827 г. под названием «Въ обще о розличіи славянских нарѣчій собственно же о мало-карпато- или угро-русских» делает первую попытку определить характер и место «Угро-

русского нарѣчїя» среди других славянских и неславянских языков. Он приводит в письме 16 венгерских заимствований в украинских говорах Закарпаття: бнзонь – *конечно*, мерт – *ибо*, годь – *что*, биров – *сельский староста*, гайдук – *воин*, катона – *солдат*, вармеде – *комитет*, тонач – *совет*, фейса – *топор*, гордов – *бочка* и др. [13, с. 48–51].

Позже появляются статьи Л. Чопея [20, с. 270; 29, с. 294] и Э. Мазуха [26, с. 290–298], Р. Стоцки [30, с. 349–355], А. Станканинца [14, с. 333–338], И. Кнэжи [22, с. 180–186]. Автор отмечает, что влияние было довольно значительным и в подтверждение этой мысли приводит целый ряд примеров. В архиве И. Панькевича в Праге в Институте Языкознания Академии Наук хранятся два списка лексических венгеризмов из с. Лукова на Иршавщине и с. Тишева Воловецкого района, в которых зафиксировано около 150 венгерских заимствований.

Названные исследователи только констатировали наличие венгерских заимствований в украинских говорах Закарпаття, не давая им научного анализа.

Новым этапом в исследовании венгерских заимствований в украинских говорах Закарпаття является начало 60-х годов XX века, когда преподаватели Ужгородского госуниверситета активно приступили к сбору и исследованию диалектного материала украинских говоров Закарпаття. Защищен ряд кандидатских и докторских диссертаций по лексике и семантике, в которых в той или иной мере авторы касались венгерских заимствований в украинских говорах Закарпаття. Этот материал был оформлен и опубликован в виде научных статей.

Венгерско-украинскими межъязыковыми (междиалектными) контактами занимались Ковтюк Иштван [4], Зейкань Кристина [32., с. 29–32].

Более подробно венгерскими заимствованиями в украинских говорах Закарпаття занимались Пётр Лизанец и Александр Мокань. А. Мокань в 1966 году защитил кандидатскую диссертацию на тему «Венгерские заимствования в Марамарошском украинском диалекте Закарпатской области». Автор даёт тематическую классификацию собранных им венгерских заимствований и в словарных статьях анализирует их. Лексическими параллелизмами не занимается. Им опубликовано по этому вопросу ряд научных статей [9, с. 3–18].

Большое внимание венгерским заимствованиям в украинских говорах Закарпаття уделил Пётр Лизанец. Он опубликовал целый ряд научных статей [24, с. 489–496; 8, с. 108–120] и издал

трёхтомную монографию. Первая монография на венгерском языке вышла из печати в 1970 году, второй том вышел в издательстве Венгерской академии наук в Будапеште в 1976 году, и третий в этом же году опубликован в Ужгороде. Этими тремя томами, кроме теоретической части, охвачены также картографированные лексические и семантические венгеризмы и их соответствия в украинских (русинских) говорах Закарпаття.

По этой теме в 1971 г. Пётр Лизанец защитил докторскую диссертацию.

Таким образом, в трёх томах опубликовано 530 лингвистических карт, среди них 410 лексических, 77 семантических, 27 карт-изоглосс и 16 сводных карт. К каждой карте поданы легенды карт на украинском, венгерском и немецком языках. Имеются также развёрнутые комментарии и рисунки. Для изображения на картах диалектных особенностей используется знаковый способ картографирования как основной и изоглоссы как дополнительный.

Целый ряд данных о венгерско-украинских междиалектных контактах находим также в семитомном Общекарпатском диалектологическом атласе (1989–2003). Вопросник к этому атласу согласно решению международной редколлегии был составлен нами в сотрудничестве с Я. Закревской, Г. Клепиковой, в него было включено около 240 семантических вопросов, поэтому в семитомном ОКДА содержится 213 семантических карт, а в нашем Атласе венгерских говоров Закарпаття – 219. В лингвистических атласах Европы таких карт совсем нет [7, с. 11–18].

Необходимо отметить, что ряд известных языковедов большое внимание уделяют славянским заимствованиям в венгерском и румынском языках. Так, например, известный славист XX века С.Б. Бернштейн уже в 1958 году поставил вопрос о важности исследования этих контактов, считая их источником более глубокого изучения как славянских, так и праславянского языков.

В самом начале работы над Общеславянским лингвистическим атласом был поставлен вопрос о важности привлечения диалектных материалов некоторых неславянских языков. В совместном с Р.И. Аванесовым докладе к IV съезду славистов проблема была сформулирована следующим образом: «Задачи, стоящие перед составителями общеславянского лингвистического атласа, не могут быть полностью решены без некоторых данных румынских и венгерских диалектов. Как известно, территория Румынии и Венгрии в прошлом была заселена славянскими племенами... Следы древних диалектов Румынии и Венгрии сохраняются

в какой-то степени в современных диалектах румынского и венгерского языков. Изучение их по программе общеславянского атласа даст возможность в отдельных случаях получить материал для очень древних славянских изоглосс на территории Румынии и Венгрии, т. е. более полно и точно охарактеризовать древнейшее диалектное членение славянских языков... больше всего румынские и венгерские диалекты могут дать в области картографирования лексики... Вот почему... нельзя игнорировать некоторые данные румынской и венгерской диалектологии, основанные на материальной общности с соответствующими данными славянской диалектологии» [1, с. 23].

В 1988 году Е.А. Хелимский, выступая с докладом на X Международном съезде славистов, сказал: «С точки зрения как славянского, так и венгерского языкознания богатейшим историко-языковым источником является фонд славянских заимствований (апеллятивов и топонимов), проникших в венгерский язык в период, хронологически близкий к завоеванию венграми Среднего Подунавья (895–900 гг.)» [16, с. 347–351]. При этом автор сосредоточивает внимание на установлении «древнейшего фонда среди всей массы венгерской лексики славянского происхождения, предложив для уточнения хронологии ряд фонетических критериев. В результате анализа этих единиц он приходит к выводу, что ранние славизмы в венгерском следует оценивать как заимствования из языка паннонских славян», т. е. тех славян, которые вошли впоследствии в состав венгерского этноса; все они (или большая их часть) не могут быть сведены к одному из «ныне существующих славянских языков», так как подобная «редукция» «ведёт к неполному использованию тех богатых возможностей, которые представляет венгерский языковой материал для праславянской реконструкции».

В своей рецензии на наш «Атлас венгерских говоров Закарпатья» С.Б. Бернштейн указывает, что в венгерской диалектологии последних десятилетий наряду с созданием общевенгерского атласа шла работа по лингвогеографическому описанию отдельных (микро)зон, в том числе и тех, где языковая ситуация определяется интенсивными венгерско-славянскими этнолингвистическими контактами и взаимодействиями, – таковы работы О. Пенавина [29, с. 28] и, конечно, П. Лизанца, много и плодотворно исследующего венгерско-славянские (resp. украинские) контакты в Закарпатье [5, 682 с.]. Труды последнего получили высокую оценку специалистов, а их результаты широко используются, напри-

мер, в карпатологии. В последние годы им подготовлены и изданы два (из трёх) тома регионального атласа – «A kárpátaljai magyar nyelvjárások atlasza» (I, II. Budapest. 1992, 1996 («Атлас венгерских говоров Закарпатья», далее – АВГЗ). Атлас издан на двух языках – венгерском и русском (что, кстати, делает его доступным для славистов). В 1-м т. изложены принципы составления атласа, справочные материалы (сетка пунктов, транскрипция, большая библиография и др.). В двух томах издано около 900 карт, из них 150 – семантические; комментарии к ним очень информативны, поскольку, в частности, снабжены отсылками на другие исследования диалектологии Закарпатья. Знакомство с этим атласом позволяет наглядно представить масштабы и особенности изучения сложной языковой ситуации в указанной историко-этнографической области, а также результаты этнолингвистических взаимодействий в ней. Масштабы определяются густой сеткой исследованных пунктов (36 пп., для сравнения – в МНУА «закарпатская» врезка содержит 4 пп.) и обширной программой-вопросником (свыше 1700 вопросов). Особенности АВГЗ определяются, прежде всего, тем обстоятельством, что в Закарпатье и сейчас продолжаются интенсивные контакты и взаимовлияние венгерских и украинских диалектов, прежде всего в лексико-семантической сфере.

Выводы. Таким образом, именно региональный атлас, в данном случае «Атлас венгерских говоров Закарпатья» П.Н. Лизанца, позволяет не только изучать конкретные последствия языковых взаимодействий и взаимовлияний, выявлять этапы языковой интерференции, но и устанавливать зависимость собственно языковых процессов от внелингвистических факторов (прежде всего это исторические судьбы местного населения). Вместе с тем славянские заимствования в венгерских говорах могут быть полезны в собственно славистических штудиях (например, при восстановлении звеньев семантической эволюции той или иной лексемы, изучении потенциалов расширения семантики, нереализованных в самих славянских языках и под.). Несомненно также, что славизмы в венгерских говорах Закарпатья должны использоваться и в ходе реконструкции «паннонского» периода в истории праславянского языка, при изучении истории и современного состояния украинских говоров – например, в зоне Карпат [2, с. 233–234].

Решение написать эту рецензию возникло у С.Б. Бернштейна в период работы над нашим совместным докладом к XII съезду славистов. В то

время ему пришлось заново оценивать свою давнюю, так и не осуществившуюся идею – обследовать по программе ОИА (и в качестве составной части ОИА) некоторые румынские и венгерские

говоры, поскольку, по его мнению, они содержат ценный материал для славистов, – прежде всего, это лексические заимствования из славянского различной хронологической «глубины».

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ:

1. Аванесов Р.И., Бернштейн С.Б. Лингвистическая структура языка. О принципах составления общеславянского атласа. Москва, 1958. С. 23.
2. Бернштейн С.Б. Ещё раз о значении славизмов в неславянских языках как источник по истории славянских языков. (К публикации книги П. Лизанца «A kárpátaljai magyar nyelvjárások atlasza» I-II. (Budapest, 1992, 1996). Москва, 2000. С. 223–234.
3. Греков Б.Д. Генезис феодализма в России. *Вопросы истории*. № 5. 1952. 34 с.
4. Ковтюк Иштван. Украинские заимствования в Ужанском венгерском говоре. Ньиредьхаза, 2007. 340 с.
5. Лизанец П.Н. Венгерские заимствования в украинских говорах Закарпатья. Венгерско-украинские межъязыковые связи. Издательство Академии Наук Венгрии. Будапешт, 1976. 863 с.
6. Лизанець П.М. Атлас лексичних мадяризмів та їх відповідників в українських говорах закарпатської області УРСР. Ужгород, 1976. 327 с.
7. Лизанець Петро. Семантичні карти в європейській лінгвогеографії. *Збірник наукових праць. Випуск 21. Сучасні проблеми мовознавства та літературознавства*. Ужгород, 2016. С. 11–118.
8. Лизанець Петро. До історії дослідження слов'янсько-угорських міжмовних (міждіалектних) контактів. *Матеріали VI-ої Міжнародної науково-практичної конференції, присвяченої дню слов'янської культури та писемності. Слов'янський світ: видатні дослідники*. Ужгород, 2016. С. 108–120.
9. Мокань А.А. Венгерские заимствования в марамарошском украинском диалекте Закарпатья : автореферат кандидатской диссертации. Тарту, 1966. С. 3–18.
10. Мокань А.А. Лексические унгаризмы в марамарошских говорах Закарпатской области. Ленинград, 1977. С. 100–124.
11. Перени Й. Взаимоотношения между венграми и восточнославянскими племенами, in: *Studia Slavica*, t. II., f. 1–4. Будапешт, 1956. С. 11–29.
12. Розенцвейг В.Ю. О языковых контактах. *Вопросы языкознания*. № 1. 1963. С. 61–62.
13. Свенцицкий И. Материалы по истории возрождения Карпатской Руси, Т. I. Львов, 1906. С. 48–51.
14. Станканинец А. Мадьяризм в українській мові на Закарпатті. Варшава, 1938. С. 333–338.
15. Фердинанд де Сосюр. Курс общей лингвистики. Москва, 1933. 44 с.
16. Хелимский Е. Венгерский язык как источник для праславянской реконструкции и реконструкции славянского языка. Москва, 1988. С. 347–351.
17. A magyar-szláv kapcsolatok: múlt és jelen. Nemzetközi tudományos konferencia tanulmánykötete. Pécs, 2017. 217 o.
18. Asbóth Oszkár. Szláv jövevényszavak. I. Bevezetés és különböző rétegek kérdése. Budapest, Budapest, 1907.
19. Bárczi Géza. A magyar nyelv életrajza. Budapest, 1963. P. 48–49.
20. Csopely László. Magyar szók a rutén nyelvben. NyK, t. XVI. Budapest, 1881. P. 270–294. o.
21. Haugen E. The Norwegian Language in America. Philadelphia, 1953. P. 6.
22. Kniezsa István. A magyarság és a szlávok. Budapest, 1942. P. 180–186. o.
23. Lizanec Péter. Magyar–ukrán nyelvi kapcsolatok. A kárpátontúli ukrán nyelvjárások anyaga alapján. Uzshorod, 1970. 430 o.
24. Lizanec Péter. A keleti szlávok és az ősmagyarok nyelvi és történelmi kapcsolatairól. *Матеріали V-ої Міжнародної науково-практичної конференції. Слов'янський світ: виклик сучасності*. Ужгород, 2015. С. 489–496.
25. Lizanec Péter. Keleti szláv magyar nyelvi kapcsolatok. Ungvár, 2017. 146 o.
26. Mazuh Ede. Magyar szók a hazai rutén nyelvben. Nyr, T. XXV, Budapest, 1882. P. 290–298. o.
27. Melich János. Szláv jövevényszavaink. Budapest, 1903–1905. P. 244–250. o.
28. Munkácsi Bernát. A magyar szláv etnikai érintkezés kérdései. Budapest, 1897. P. 3–14. o.
29. Penavin Olga. A jugoszláviai Muravidék magyar tájnyelvi atlasza. Budapest, 1966.
30. Stocki R. Beiträge zur ukrainischen Vortforschung. Asech, T. XXXV. Berlin, 1914. P. 349–355. o.
31. Weinreich U. Languages in contact. New Work, 1. 1953.
32. Zékány Krisztina. Magyar–ukrán nyelvi kapcsolatok Ungvár földrajzi neveiben. *Матеріали VI. міжнародної науково-практичної конференції, присвяченої дню слов'янської культури і писемності «Слов'янський світ: видатні дослідники»*. Ужгород, 2016. С. 29–32.